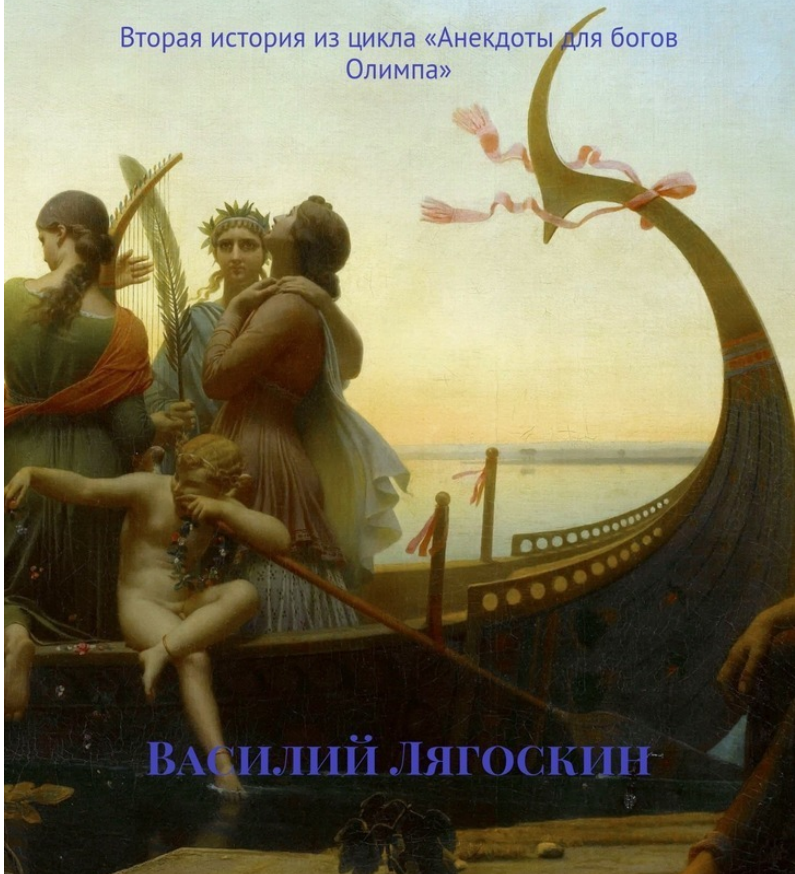

ДВА БРАТА- АКРОБАТА

Вторая история из цикла «Анекдоты для богов
Олимпа»

ВАСИЛИЙ ЛЯГОСКИН

Василий Иванович Лягоскин
Два брата-акробата.
Вторая история из цикла
«Анекдоты для богов Олимпа»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22615355
ISBN 9785448364112

Аннотация

Спустившись с Олимпа, Посейдон остается верен своей главной страсти – морским путешествиям. Эта страсть позволяет олимпийскому богу из века в век становиться в ряд великих мореплавателей. Если бы еще рядом были боги и богини... Особенно он скучает по братьям. Посейдон ждет и верит, что морские пути-дорожки рано или поздно приведут его к заветной цели.

Содержание

Эпизод первый: Ноев ковчег	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Два брата-акробата
Вторая история
из цикла «Анекдоты
для богов Олимпа»
Василий Лягоскин

© Василий Лягоскин, 2017

ISBN 978-5-4483-6411-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпизод первый: Ноев ковчег

Худенький паренек лет шестнадцати ловко увернулся от подзатыльника, которым его попытался наградить дружок-одногодок. Озорного приятеля обычно называли Хамом. И это было неудивительным – такой вот тычок, который сегодня не удался, был для него обычным делом. Прозвищем вместо имени обзавелись двое из четверки неразлучных друзей. Неразлучных, естественно, в свободное от домашней работы время. Годы, когда они были босоногими мальчишками, и с утра до вечера пропадали в колючих зарослях и пещерах, которыми был испещрен морской берег, пролетели удивительно быстро. От них остались разве что детские мечты, да эти самые клички. Парня, что мечтательно смотрел на спокойное море, все называли Ноем. Этим унылым прозвищем его наградил все тот же Хам.

Мечтой юного пастуха – а он привычно пригнал невеликую отцовскую отару к морю – было стать мореходом. Причем, не таким рыбаком, которые с утра до вечера подставляли изъеденные солью плечи и спины безжалостному солнцу в своих утлых лодках, не уходивших от берега дальше пределов видимости, а... здесь его мечта спотыкалась о неизведанное. В своих снах паренек видел неведомые суда – громадные и прекрасные; с развевающейся над ними белоснежной кипенью облаков удивительно правильной формы. По-

тому он и ныл перед отцом, просясь в ученики к отцу Хама, старому рыбаку. На что неизменно получал в ответ:

– Не ной!

Так он и стал Ноем. Двое других приятелей остались с именами, полученными при рождении – Сим и Иафет. Они держались чуть позади Хама, и сейчас приветливо, а скорее как-то предвкушающе усмехались, явно намекая на очередную каверзу дружка, пропавшего из поля зрения пастуха. Ной резко повернулся, но поздно! Крепкие руки приятеля дернули его набедренную повязку к низу, и парень застыл под ласковым морским ветерком совершенно обнаженным. Иафет протяжно просвистел – удивленно, а больше того завистливо. Завидовать было чему. Настолько, что Ной горделиво развернул плечи, и одарил весь белый свет, который для него и его племени ограничивался островом средних размеров, словами, произвольно вырвавшимися изо рта:

– Доктор, мне шестнадцать лет, а у меня член длиной тридцать сантиметров. Это нормально?

– Конечно, нормально. В твоём возрасте все врут.

Тот же Иафет несмело хихикнул, а задира Хам в изумлении спросил:

– Что за странные истории ты рассказываешь, Ной? И что это за сантиметр?

– Да, парень! Кто тебе рассказал этот анекдот?

Все четверо подпрыгнули на месте, разворачиваясь на звук властного женского голоса. Ной еще и умудрился

в прыжке подцепить застрявшую на лодыжках повязку, кое-как закрепив ее на бедрах. Еще он стремительно покраснел, потому что узнал одну из героинь других своих снов. Подкраваясь незаметно Ракиль была самой красивой женщиной деревушки, второй женой старейшины. Пышногрудая и крутобедрая, с громким мелодичным голосом, который легко перебивал всех в округе, включая супруга, она могла позволить себе сказать такое, что даже убежденные сединами мужи только кряхтели в изумлении и покрывались румянцем, как... ну, точно, как сейчас Ной.

А Ракиль словно забыла о своем первом вопросе, тут же задала следующий, загнав парня теперь в настоящую панику:

– И что там насчет тридцати сантиметров? Ну-ка?

Крепкая женская ладошка, явно знакомая с подобной процедурой, легко преодолела сопротивление парня. Набедренная повязка опять поползла на лодыжки. И совсем уже нереально прозвучал свист в женских устах.

– Действительно... такое я видела только у... а ну, прочь отсюда!

Она совсем не шутейно подняла руку, грозя отпустить ее на затылок стоящего рядом Хама, и парни бросились наутек – грозный характер Ракили и ее тяжелую руку знали все в деревне; опять-таки включая старейшину.

– А ты стой! – женская ладонь стиснула плечо Ноя, – ты мне еще про анекдот не рассказал.

Парень застыл на месте; не потому, что впервые ощутил

на теле тепло и крепость женской руки, и не потому, что испугался грозного окрика. Его словно ударили тяжелым мешком по голове – в тот момент, когда он услышал такое удивительное, и такое, как оказалось, знакомое слово «анекдот». В голове словно пронесся очистительный шторм, и он вспомнил все – с самого начала, когда он, сидя на коленях отца, бога Кроноса, впервые услышал собственное имя Посейдон. В этой картинке он еще успел отметить брата, Зевса, старшего его на пять мгновений бытия; Кроносу как раз подавали младшенького, Аида. Младшенького все на те же пять минут – так обычно отсчитывал время Лешка Сизоворонкин. Ной еще раз произвольно прошептал имя человека, с которым олимпийские боги обычно связывали короткие занимательные истории:

– Лешка Сизоворонкин... в его Книге я и нашел этот анекдот.

– Ага! – обрадовалась Ракиль, – значит ты один из наших, ты...

– Я Посейдон! – гордо вскинул голову Ной.

Гордо, потому что представить себе, что в теле пышногрудой красотки может сейчас находиться громовержец или владыка Царства мертвых, он просто не мог, а все остальные по статусу были ниже его настолько...

– Разве что Гера, – вспомнил он супругу старшего брата.

– Нет, – отступила на пару шагов явно смятенная Ракиль, – я не Гера, я Афродита.

– Ага, – никак не мог выйти из образа верховного бога Ной, – значит, где-то рядом бродит и Гефест?

– Пусть бродит, – совершенно равнодушно махнула рукой Ракиль, – хотя я его здесь пока не видела. Пыталась деревенского кузнеца... но нет, это не он.

Ной вспомнил этого кузнеца – огромного, чернолицего и заросшего волосом так, что сквозь них едва блестели маленькие злые глазки, и содрогнулся, представив красавицу в объятиях этого чудовища.

– А в моих? – сладко заныло в душе.

Видимо, что-то промелькнуло и на лице парнишки, потому что Ракиль хитро улыбнулась ему и, схватив за руку, потащила в пещеру, где – знал парень – море намыло удивительно чистый мелкий белый песок. Ной не сопротивлялся; если он мог только догадываться, и мечтать в сладком ужасе о неизбежном, к чему вела его Ракиль, то Посейдон точно знал – Афродиту уже не остановить; она не успокоится, пока не измерит его тридцать сантиметров всем, чем только можно.

Наконец они остановились посреди пещеры. Афродита медленно, совершенно не прибегая к помощи рук, стряхнула с плеч верхнюю часть своего одеяния, и перед потрясенным парнем выросли два холма такой удивительной красоты, что руки сами потянулись к ним. А Посейдон, ухмыльнувшись в душе, еще и анекдот вспомнил:

Вчера со мной подралась грудастая женщина. Мы за-

шли в лифт, и я засмотрелся на ее прелести. Она спросила: «Может, наконец, нажмете?». И тут что-то пошло не так...

У Ноя все пошло так. Никакого лифта здесь не было, но он все равно нажал – обеими ладонями, в которых едва поместились «прелести» Афродиты, и она протяжно застонала, обмякая всем телом. А на песке уже была расстелена нижняя часть ее одеяния – широкая настолько, что на теплом даже в пещере ложе не поместились только ноги Ноя. Потом он опирался в мягкое песчаное ложе пятками; затем встал на колени, рыча, словно зверь... В общем, многоопытный Посейдон взял руководство в свои руки, ну, и другие части тела разной длины. Он остановился, только когда в вечерних сумерках перестал различать загорелое женское тело, и когда Ной в смятении воскликнул: «Стадо! Овцы... отец свернет мне шею, если хоть одна из них пропадет!».

Этот крик души тоже не прошел мимо внимания Афродиты. Она потянулась всем телом, заставив парня забыть обо всем на свете, кроме нее, и счастливо засмеялась:

– Ну, давай, вспоминай, какой анекдот будешь рассказывать моему мужу?

Посейдон засмеялся следом, загоня поглубже в душу тоску и страхи Ноя перед неизбежной карой.

– Может, подойдет такой:

– *Я вынужден вас огорчить, но ваша дочь вчера напи-
лась в клубе.*

– Врешь! Она вчера в рот ничего не брала!

– Э-э-э... кажется, я вас огорчу еще раз...

– А почему только один раз? – богиня одним ловким текучим движением оседлала Посейдона, – помнишь, как Лешка пел нам: «Эх, раз! Да еще раз! Да еще много, много раз!»...

В-общем, домой Ной-Посейдон пришел уже под утро. Родители не спали, но их блестящие в огнях светильника глаза не метали громы и молнии; они горели от возбуждения совсем не по причине первой в жизни ночной отлучки сына. Ной только успел заикнуться о стаде, и тут же вздохнул успокоено, когда отец совершенно равнодушно махнул рукой:

– Дома все овцы, не переживай. Сами пришли.

Парень терялся в загадках, а родители лишь торжественно молчали. И в его душу невольно начала заползать тревога. Он ждал упреков; быть может, побоев. А попал в атмосферу какого-то грядущего торжества. И, как представилось ему, событие это явно было связано с ним, с Ноем.

Он непроизвольно вспомнил Ракиль; потом о себе громким урчанием напомнил пустой желудок, и вместе все это причудливым образом трансформировалось в анекдот:

– Да, пирожки у хозяйки не очень...

– Зато булки что надо!

– Ой, сыночек, – всплеснула ладошками мать, – да ты же совсем голодный! Всю ночь не ел, не спал... все овец искал.

Ной едва не прыснул, вспомнив, какую «овцу» он нашел вчера. Хорошо, что раньше свое слово сказал отец. Торже-

ственно – словно на главном празднике года – он произнес:
– Ничего, сегодня наестся до отвала; сегодня все наедятся, на празднике. Надо бы и нам пару овечек заколоть.

Посейдон не выдержал:

– Да скажите, наконец, что случилось? Что за праздник объявился такой, что ты готов пожертвовать сразу двумя овцами?

Надо сказать, что отец юного Ноя был человеком прижимистым; стадо свое растил медленно, но неуклонно. И даже на главный праздник года обычно жертвовал единственную овцу, как правило – не самую жирную.

– Праздник, сын! Сегодня в деревню прибудет Святитель!

Ной ахнул бы от этого известия, если бы прежде него не хмыкнул (про себя, конечно – чтобы не обидеть родителей) владыка морей и океанов. Святитель, живущий в горах, в глубокой пещере, появлялся на людях очень редко. В родной деревне Ноя он не был ни разу. Но об этом удивительном человеке знал каждый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.